

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СОВЕТА МИНИСТРОВ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Перекрестова С. В.

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Институт истории), e-mail: spbu@spbu.ru

В данной работе рассматривается история создания правительственной декларации и ее прочтения во II Государственной думе председателем Совета министров и министром внутренних дел П. А. Столыпиным 6 марта 1907 г., а также реакция народного представительства на данное выступление главы правительства, анализируются ее причины и последствия данного инцидента для судьбы нижней законодательной палаты второго созыва и, шире, политической системы Российской империи. Данный эпизод может служить примером, характеризующим сложные отношения Совета министров и II Государственной Думы, а также степень работоспособности последней, являясь одним из многочисленных думских инцидентов, приведших к роспуску Думы и принятию нового Положения о выборах в Думу – третьеиюньскому перевороту 1907 г.

Ключевые слова: II Государственная дума, правительственная декларация, программа реформ П. А. Столыпина.

ON THE ISSUE OF THE II STATE DUMA AND THE COUNCIL OF MINISTERS RELATIONS: THE GOVERNMENTAL DECLARATION

Perekrestova S. V.

Saint Petersburg State University (199034, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7–9, Institute of History), e-mail: spbu@spbu.ru

The paper deals with the history of creation of the governmental declaration and its reading by the Council of Ministers chairman and the minister of Internal Affairs P. A. Stolypin in the II State Duma, as well as the reaction of the Duma on this Stolypin's speech. In this paper we also analyse the causes of such reaction and consequences of this incident for the fate of the II Duma and political system of Russian empire. This episode can be an example of characterizing complex relations of the II Duma and the Council of Ministers and degree of efficiency of the II Duma, being one of the numerous Duma incidents that led to dissolution of the Duma and adoption of a new electoral law i.e. the coup d'état of 3 June.

The Key Words: the II State Duma, the governmental declaration, P. A. Stolypin's reform program.

Открывшаяся 27 апреля 1906 г. I Государственная дума по составу была такова, что надеяться на плодотворную, совместную с правительством ее работу не приходилось; она была распущена 9 июля 1906 г. Государем и правительством было решено предпринять вторую попытку – созвать следующую Думу с тем, чтобы наладить совместную с ней работу. Первым шагом на этом пути поиска точек соприкосновения с Думой должно было стать выступление председателя Совета министров П. А. Столыпина с правительственной декларацией. Однако этот эпизод стал лишь одним из многочисленных думских инцидентов, охладивших еще толком не сложившиеся отношения и приведших в конечном итоге к роспуску II Думы и изменению избирательного закона – третьеиюньскому перевороту 1907 г. В этой связи выступление П. А. Столыпина и последовавшая за тем реакция думцев представляют, как один из первых этапов на пути к перевороту или хотя бы мысли о его необходимости, особый интерес. О третьеиюньском перевороте и отношениях власти и представительства в целом рассказывается во многих трудах, освещающих, в основном, какие-либо общие вопросы: историю Первой российской революции [13], взаимоотношения власти с дворянством [27], буржуазией [8], Думой [25; 26] и некоторые другие. Однако в этих трудах, как и в посвященной теме третьеиюньского переворота диссертации А. В. Островского [18], мало внимания уделяется отдельным думским инцидентам, знаменующим собой продолжительное ухудшение отношений власти и представительства, а также попыткам смягчить назревавший конфликт.

Кадеты предложили взять курс на сохранение («бережение») открывшейся 20 февраля 1907 г. II Думы, что подразумевало недопущение прямых ее конфликтов с правительством, часть которого все еще ждала от Думы продуктивной работы и сотрудничества [10, с. 310]. Впрочем, первое же испытание кадетской тактики показало, что она вела отнюдь не к созданию взаимопонимания с Советом министров. 6 марта П. А. Столыпин зачитал в Думе правительственную декларацию (она была опубликована в общих чертах еще 24 августа 1906 г.) Она готовилась в период междудумья и представляла собой целостную программу реформ, которую собирались представить II Думе после ее открытия. Государственный контролер П. Х. Шванебах с большой долей иронии отмечал излишнюю, по его мнению, поспешность работы («Столыпин начертал себе какой-то календарь междудумья, в котором... распланировал чуть ли не по дням всю реформаторскую работу правительства [29, с. 96–97]»). Во всяком случае, Совет министров уже 12 января 1907 г. определился с перечнем законопроектов, предназначавшихся для внесения в Думу как можно скорее после открытия представительства. Остальные готовившиеся в это время законопроекты было решено вносить на правительство.

Николай II придавал выступлению председателя Совета министров с декларацией 6 марта довольно большое значение. Он считал, что с произнесением Столыпиным речи «станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом или начнет терять время... болтовней и ругательствами» [9, с. 176]. Сам Столыпин в письме великому князю Николаю Михайловичу коротко сообщал, что, по его мнению, декларация не вызовет каких-либо серьезных прений [19, с. 132]. Возможно, он просто скромничал, поскольку едва ли председатель Совета министров не сознавал той важности, которую представляло ознакомление депутатов Думы с программой предполагаемых преобразований как для думцев, так и для правительства. Видимо, он имел в виду, что члены законодательной палаты, заинтересованные в том, чтобы понять, чем им предстоит заниматься во время думских заседаний, спокойно обсудят то, что им торжественно представит правительство.

Отметив, что Россия находится в «периоде перестройки, а, следовательно, брожения», председатель Совета министров говорил о том, что цель проводившихся преобразований – превращение России в «государство правовое». Столыпин перечислил и кратко охарактеризовал внесенные в Думу законопроекты – аграрный, о неприкосновенности личности, преобразовании местного суда и др. – которые и должны были послужить достижению главной цели – «перестройке России» и повести «к успокоению, возрождению великой нашей родины». Вместе с тем, Столыпин, сообщив о намерениях государя и правительства и предложив «труд, добрую волю и накопленный опыт» последнего в распоряжение представительства, призывал Думу к совместной работе [5, стб. 106–120]

(одновременно пытаюсь оградить Думу от раздувания бесплодных «идеологических» диспутов внесением своих законопроектов и давая ей материал для работы.) Председатель Совета министров предлагал представительству начать диалог с властью. Однако в ответ кадеты, претендовавшие на ключевую роль в развитии начал конституционализма в России, просто промолчали. Не считая нужным рассматривать столыпинскую программу, они решили, в интересах «бережения Думы», избежать вынесения правительству вотума недоверия, поскольку последнее вызвало бы конфликт с Советом министров [14, с. 165]. Отсутствие реакции на столыпинское выступление также хорошо вписывалось в реализацию предложенного на одном из заседаний ЦК партии кадетом П. П. Долгоруким плана вынудить правительство и, в частности, П. А. Столыпина уйти в отставку «путем доказательства, что его законопроекты не проходят [в Думе], а административная деятельность вызывает осуждение страны» [18, с. 102]. Видимо, кадеты и занялись выражением этого «всероссийского» осуждения, не желая слушать правительство, которое вздумало было вмешаться в процесс конституционного строительства; так, в кадетской газете «Речь» еще 22 февраля было помещено такое рассуждение: «Кто будет строить это новое государственное здание... Конечно, народные представители. Правда, наша бюрократия уверяет нас, что... она хочет создать ее [«государственную постройку»]... но кто же этому поверит [21]?»; кадеты и 30 мая утверждали, что «свою моральную силу Дума может потерять только в одном случае: именно, если население будет отождествлять ее с властью, давно уже потерявшей кредит» [22]. Историк Дж. Токмаков и вовсе высказал предположение, что кадеты были «зачарованы» декларацией не меньше остальных депутатов, поскольку в ней предлагались решительные реформы, во многом отвечавшие их чаяниям, и молчали они не из-за неприятия перечисленных законопроектов, а из боязни потерять «свою политическую роль и оправдание для революционной агитации» [30, р. 54]. Сложно сказать, какие на самом деле мотивы (такого рода или же уверенность в соответствии «конституционным началам» такого образа действий) заставили их принять решение отказаться от совместной с правительством работы, но этот эпизод был, в глазах партии, частью плана «правильной осады» власти, принятом фракцией к руководству еще до открытия II Думы. Для некоторых мотивом такого поведения мог быть сам факт прочтения Столыпиным декларации, если только кто-нибудь решил бы прислушаться к возмущенным «Биржевым ведомостям», еще 24 февраля заявившим, что декларация попросту излишня, поскольку о программе можно было бы судить по сообщению от 24 августа и действиям Столыпина, а Дума могла бы «приступить к законодательной работе» и без декларации, которая только и сделает, что спровоцирует Думу на активные действия, вызовет споры и наверняка «подсунет» ей «подводные камни» [1] (правда, 7 марта там появился довольно благожелательный отзыв на

речь Столыпина [2].) Социал-демократы, впрочем, за кадетами не последовали. Ответом на зачитанную председателем Совета министров программу и предложение сотрудничества, помимо гробового молчания «конституционного центра» (кадетов), была несколько нервная речь меньшевика И. Г. Церетели. Вполне в духе социал-демократических воззрений он, почти не затронув перечисленных Столыпиным законопроектов, говорил о реках крови, которые пролило и прольет правительство, «сковавшее всю страну цепями военного положения, заточившее лучших ее сынов... разорившее вконец население», могущее подчиниться только силе – и призывал Думу «готовить эту силу». «Мы говорим, в единении с народом... законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную! [5, стб. 120–129]» Эти слова перекликались с произнесенной в I Думе кадетом В. Д. Набоковым фразой «Исполнительная власть да покорится власти законодательной! [6, с. 326]» По словам министра финансов В. Н. Коковцова, во время выступления Столыпина и некоторое время после него отдельные министры (особенно министр Двора В. Д. Фредерикс) были приятно удивлены отсутствием криков «в отставку!», свиста и топота (они очень часто наблюдались в I Думе) и последовавшими по окончании столыпинского выступления рукоплесканиями (справа.) Впрочем, с выходом на трибуну Церетели началось привычное, к сожалению, «то же огульное осуждение всего слышанного, то же презрение ко всем нам и то же неудержимое стремление смести власть и сесть на ее место и создать на развалинах того, что было до сих пор, что-то новое» [12, с. 216–217].

Во время выступления Церетели слышались требования остановить оратора, однако председатель Ф. А. Головин этого сделать не пожелал, он лишь одергивал тех, кто «перебивал» выступающего, давая тому возможность продолжить свою эмоциональную речь [5, стб. 121–125]. Затем Головин поставил на баллотировку предложение 35 думцев о прекращении записи ораторов по поводу декларации, однако вопрос этот члены Думы решили в пользу продолжения записи желающих высказаться. Далее кадеты предложили немедленно принять не содержащую оценочных суждений формулу перехода к очередным делам («Выслушав заявление председателя... Государственная Дума переходит к очередным делам» [5, стб. 130].) Итак, кадеты, будто бы удовлетворившись выступлением социал-демократа, не пожелали выразить свое отношение к речи Столыпина и предложенным им реформам в целом и предложили остальным членам Думы последовать их примеру. К ним присоединились эсеры, энесы, трудовики, мусульманская группа и поляки. Однако напряжение не улеглось, и следующая после выступления Церетели развернутая речь также была произнесена социал-демократом – меньшевиком И. П. Озодем, который примерно с той же риторикой, что и Церетели, решил почему-то именно сейчас сообщить депутатам о притеснениях рабочих: закрытии профсоюзов после ареста членов совета рабочих депутатов

в декабре 1905 г., порче полицией мебели в бюро союза портных, увольнении 89 рабочих в Лодзи и т. д. По-видимому (что видно и из предложений о не содержащей оценок формуле перехода к очередным делам), этих речей некоторым или же многим думцам показалось достаточно для выражения отношения Думы к правительственной декларации или же они просто утомились: от 35 думцев снова поступило предложение о прекращении записи ораторов, а также об ограничении времени речей. У правых сложилось впечатление, что левые и кадеты таким образом пытались лишить правое меньшинство возможности высказать свое мнение. Впрочем, предложение не прошло, и несколько правых (А. А. Бобринский, В. М. Пуришкевич и др.) выступило с осуждением речи Церетели, поведения левых и центра вообще, а также с требованием отнестись к правительственной декларации с вниманием [5, стб. 131–142]. Заседание затягивалось, речи правых сменялись выступлениями левых и наоборот, при этом о предмете обсуждения – декларации – будто бы забыли, зато взаимных нападков и оскорблений сыпалось все больше, обстановка все более накалялась. В. Н. Коковцов справедливо заметил, что заседание превратилось в шумный митинг, на котором ораторы от левых усиленно возбуждали раздражение среди депутатов «в пылу деланного красноречия», а правые одними своими попытками возражать, чаще всего, впрочем, заглушаемыми все теми же раздраженными думцами, вызывали еще большее возбуждение и очередную череду беспредметных речей.

П. А. Столыпин, не желая допускать такого развития событий, очень сильно, к сожалению, напоминая происходившее на заседаниях I Думы, а также, по мнению Коковцова, оставляя последнее слово за ораторами от левых, снова вышел на трибуну [12, с. 217]. Напомнив, что правительство хотело бы найти общий с Думой язык, он добавил: «Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду». Председатель Совета министров призывал Думу оставаться в рамках законности; по его мнению, в этих же рамках должно было действовать и действовало правительство, вовсе не уходившее от ответственности и приветствовавшее «всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений». Вместе с тем, голословные обвинения, нападки и оскорбления членов правительства никак не укладывались в рамки законности («тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых... эти скамьи – не скамьи подсудимых, это место правительства») и, не неся в себе конструктивной критики, не должны были допускаться в народном представительстве. «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете» [5, стб. 167–169]. Своей короткой

импровизированной речью Столыпин снова призывал Думу к работе – плодотворной и совместной с правительством, а не повторению сценария превращения законодательного представительства в трибуну для революционной агитации, разыгранного в I Думе. «Центр» все это время молчал (по словам кадеты В. А. Маклакова, присоединиться к аплодисментам кадетам не позволила партийная дисциплина [15, с. 96].) Однако все, что сделали кадеты во время и по прекращении прений – предложили не содержащую оценок формулу перехода к очередным делам. Эта формула и была принята после короткого обсуждения сразу после второго выступления председателя Совета министров.

Выступление П. А. Столыпина произвело впечатление как в Думе, так и за ее пределами. Николай II высоко оценил речь Столыпина. И позже, 10 марта, он писал о ней как «удачной речи» [7, с. 194]. Кроме того, он был рад успеху председателя Совета министров в чисто человеческом смысле: «это [успех в Думе] его подбодрит и всех хороших и даст ему самому энергию и уверенность в себе» [9, с. 177]. По словам публициста славянофильского направления генерала А. А. Киреева, выступление пришлось по вкусу и правым. Отмечая мужество и убежденность председателя Совета министров, Киреев писал: «чувствуется, что у нас снова появилось Правительство» [11, с. 194]. Октябристский «Голос Москвы» удовлетворенно отмечал «общий прогрессивный характер министерской программы» и готовность правительства принять «все улучшения и дополнения», а не настаивать на принятии его проектов «во что бы то ни стало» [3] (газета, впрочем, не питала пока надежд на совместную работу правительства и Думы, не видя со стороны «оппозиции» (всех молчавших) готовности к созидательной работе [4].) Даже член ЦК партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс рассказывала, что Дума насторожилась, увидев перед собой «человека полного сил, волевого, твердого», не уступавшего в умении излагать свои мысли ораторам Думы. Более того, оппозиция «точно обиделась» на государя за то, что он назначил председателем Совета министров достойного «государственного человека». Правда, вслух тогда этого не говорилось, П. Н. Милюков даже одернул посмеявшуюся уважительно отозваться о Столыпине Тыркову и заявил, что «в его [Столыпина] доводах нет государственного смысла» [28, с. 318–319]. (Причем много позже в своих воспоминаниях он отмечал, что «тут не совсем была потеряна надежда на сотрудничество большинства этого рода [с правительством]» [16, с. 279].) Более того, по словам В. А. Маклакова, иного отношения к правительству, чем как к врагу, члены его партии не допускали, «по традиции радовались всякой неудаче министерства». Мысль о том, что, поскольку Столыпин ищет возможности совместной с Думой работы и защищает представительство от желающих его роспуска правых, то «неполитично быть с ним в войне», просто не приходила им в голову [15, с. 66]. (Вообще, как верно подмечало «Новое время», ситуация складывалась странная. Кадеты не

уставали кричать о работоспособности Думы и ее законотворчестве, но выходило, что такое попросту невозможно, поскольку для законодательной работы требуются согласованные действия правительства и палат, чего кадеты не желали, поскольку из-за сотрудничества с правительством Дума стала бы реакционной в их глазах [17].) Такая позиция «поборников конституционализма» не была секретом ни для царя, ни для Совета министров, в правительством официозе «Россия» уже 3 января с прискорбием отмечалось, что «вся страна в их глазах делится на две части: «они» и «не они». Последние – олицетворение грубого деспотизма; первые... «нравственного начала», и что каковые бы ни были правительственные мероприятия, «они только лишней раз напоминают, что есть власть, которая сильнее, чем им бы того хотелось» [23]. Однако «не они» продолжали осуществлять управление страной и попытки ее реформирования, призывая, кроме прочего, «прекратить оппозицию для оппозиции» [24], другой вопрос, что «они» считали возможным попросту отказываться выслушивать какие бы то ни было предложения. Ф. А. Головин заявлял через несколько лет, что это отношение правительства ко II Думе было изначально враждебным, что и вызвало ответную реакцию представительства [20, с. 363].

Первый опыт «прямого общения» II Думы с правительством показал всю неэффективность кадетской парламентской тактики «бережения Думы» и «правильной осады», ее поддержки другими фракциями и необоснованность уверенности кадетов в существовании устойчивого парламентского большинства. Этот инцидент стал также одним из печальных доказательств неспособности II Думы к плодотворной законодательной работе совместно с правительством и необходимости изменения избирательного закона, чтобы созывать представительство, готовое к работе с правительством над законодательством государства, иными словами – к выполнению той задачи, для которой оно и создавалось.

Список использованных источников и литературы

1. Биржевые ведомости. 1907. 24 февраля.
2. Биржевые ведомости. 1907. 7 марта.
3. Голос Москвы. 1907. 8 марта.
4. Голос Москвы. 1907. 9 марта.
5. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. I. – СПб., 1907.
6. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. – СПб., 1906.
7. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1: 1905–1913. – М., 2013.
8. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978.

9. Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. 1932, Т. 1–2 (50–51). С. 161–193.
10. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. – М., 1996.
11. Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. – М., 2010.
12. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2-х кн. Кн. 1. – М., 1992.
13. Корелин А. П., Пушкарева И. М., Королева Н. Г. и др. Первая революция в России: Взгляд через столетие. – М., 2005.
14. Королева Н. Г. Первая Российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. – М., 1982.
15. Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. – Лондон, 1991.
16. Милюков П. Н. Воспоминания. – М., 1991.
17. Новое время. 1907. 5 января.
18. Островский А. В. Третьеиюньский переворот 1907 года : дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1976.
19. П. А. Столыпин: Переписка. – М., 2004.
20. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства Т. V. – М.; Л., 1926.
21. Речь. 1907. 22 февраля.
22. Речь. 1907. 30 мая.
23. Россия. 1907. 3 января.
24. Россия. 1907. 9 февраля.
25. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906-1907 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998.
26. Соловьев К. А. Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906–1914 гг. // Российская история. 2009, № 4. С. 60–76.
27. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. – Л., 1981.
28. Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. – М., 2007.
29. Шванебах П. А. Записки сановника // П. А. Столыпин глазами современников. – М., 2008. С. 95–118.
30. Tokmakoff G. P. A. Stolypin and the Second Duma // The Slavonic and East European Review. 1972, Vol. 50, No. 118. P. 49–62.